

ВИКТОР ЕРОФЕЕВ

Жизнь с идиотом

ПАЛ Ъ М И Р А
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 2

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Е78

Ерофеев В.

Е78 Жизнь с идиотом : [рассказы] / Виктор Ерофеев. — М. ;
СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. —
193 с. — (Серия «Коллекция Виктора Ерофеева»).

ISBN 978-5-517-08512-2

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ
ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ
ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЁТ УСТАНОВЛЕННУЮ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**

Виктор Ерофеев — писатель и филолог, критик и телеведущий. Его романы и рассказы оцениваются как значительные явления русского постмодернизма. В них много парадоксальных суждений, литературных провокаций и эпатажа. Эта творческая манера принесла автору известность не только в России, но и в мире.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-08512-2

© Ерофеев В. В., 2022
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

Жизнь с идиотом

Друзья поздравили меня с идиотом. Это, сказали они, НИЧЕГО. Обнимали, тискали, целовали в щеки. Я растерянно улыбался, голова кружилась, мелькали руки, улыбки; я целовал друзей в щеки, обнимал их и тискал. Клубились пары дружбы. В сладковатых парах голова моя была шаром, а туловище и ноги — ниточкой, намотанной на пиджачную пуговицу. Я подпрыгивал и подергивался. Странное, скажу вам, чувство. Отвратительное состояние нестабильности. Таким я себя запомнил в день наказания.

Друзья признались, что опасались худшего, что были все основания опасаться худшего, а тут на тебе — жизнь с идиотом; наказание легкое, необременительное, можно даже сказать, вовсе не наказание; смотря, конечно, как смотреть, так вот, если смотреть сквозь прореху наших времен, то в таком наказании угадывается тайная форма доверия (тебе все-таки не все пути закрыты!), новый род жизнедеятельности, скорее поручение, чем порицание. Словом, миссия. Тем более, добавили друзья, что предоставлен выбор. *Они* проявили к Тебе снисхождение... Я на-

сторожился. Не проявляют ли друзья ко мне снисхождения? Ну, знаете ли, сказал я, жизнь с идиотом — тоже мне подарочек! Не нужно мне ничего снисхождения!

Вы замечаете: здесь был намек. Отдайте мне мое наказание. Это мое наказание. О нем судить мне, а вы тискайте меня и обнимайте, и я вас тоже буду тискать и обнимать.

Я был мнителен в ту зиму, мнителен и беспокоен, и мир опрокинулся в мою мнительность, границы между предметами размылись; курились сладковатые пары. Друзья с новой силой меня целовали, и я целовал их — так мы целовались.

Целуя, друзья говорили: старик, есть счастье в несчастье. Чего греха таить, тебе всегда несколько не доставало сострадания; слабовато, — дружески щурились друзья, — у тебя с этим делом, по этой части. И моя несчастная жена тоже кивнула: слабовато. Ну, слава Богу, — сказал я с наигранным чувством, — ну, слава Богу! Наконец-то я понял, за что меня наказали: за недостаток сострадания.

Поднялся смех. Мы все наслаждались моим остроумием. Мы чокнулись. Мы много и вкусно ели. Однажды попались рябчики в сметане. Так мы их съели. А почему бы нам было не съесть рябчиков в сметане? В сметане они были совсем как живые.

Я не спорил с друзьями. Не видел в том проку. Я вынашивал свой идеал идиота. Совсем не хотелось брать какого-нибудь случайного олигофрена: оплывшее пористое лицо, заплеванный подбородок, подергивание исковерканных рук, мокрые штаны. Загромождение жизненного пространства — и ничего больше. Я мечтал о совершенно иной патологии — блаженной, юродивой патологии, народной по форме и содержанию. Я представлял себе степенного лукавого старца с востреньким глазом цвета выцветшего неба. Пьет чай вприкуску, лик светлый и чистый, а набежит рябь безумия — сам дьявол мутит. Амбивалентный такой старичок. И возни с ним

мало, и помрет, глядишь, скоро. А с олигофреном поди справься. Как забьется, паскуда, в припадке...

Ну, может быть, мой идеал был не совсем уж моим — заимствования, разумеется, присутствовали: загорская паперть мерещилась, да и пьем все мы с детства одно и то же литературное молочко... только я не хотел сбивать на нем масло! Я старичка решил выбрать — коли мне предоставили выбор — не ради эксперимента, и не для отвлеченного изучения, и не для химического анализа молочка наших общих кормилиц — к той памятной зиме из меня выветрился полемический задор — короче, я собрался взять блаженного не для развлечения (в паскалевом смысле словечка), а по нутряному, жизненному расчету. Страшно жить на белом свете, господа! Ну, вот — и отрыгнулось. Простите великодушно.

У меня была новенькая и весьма сносная жена. А старая умерла. От скарлатины. Ей неверный диагноз поставили и неверно лечили. Она умерла. Я вдовец. И новенькая тоже умерла. Несчастливая женщина! Как она любила Пруста! Ей бы читать и читать до счастливой старости Пруста и готовить мне жульенчики из шампиньонов! А ее зверски убили... Иногда я путаю умерших жен. Иногда вздрагиваю: постой, разве первая не любила Пруста? Меня охватывает страх: кажется, они обе любили Пруста...

Вова выскочил в комнату, держа в руке огромные кухонные ножницы — секатор, которым она — она привезла секатор из ГДР — расправлялась с дичью. Это был ее любимый секатор, а Вова завел привычку стричь им себе ногти на ногах. Ну, какой хозяйке такое понравится? Так вот, представьте себе, Вова выскакивает в комнату, щелкая секатором, а я сижу, худощавый и голый, и пью, как ребенок, томатный сок... Вова схватил жену за волосы, завалил на загаженный ковер и стал отстригать ей голову. Выражение лица при этом у него было назидательное. Я так возбудился, я так возбудился, я так подскакивал в кресле, что весь облился томатным соком. Я хлопал себя

по груди и кричал, чтобы Вова отрезал мне воспаленные органы. Вова, отрежь, не могу! Вова был занят и даже не обернулся.

— Эх, — наконец крикнул он и показал мне трофей с назидательным видом.

Я сидел, облитый томатом и малофьей. Я снова был вдовцом.

Эх, Вова, Вова! Где ты теперь, Вова? Где? Чует мое усталое сердце, что ты жив. Ты всех переживешь, дурачок ты мой родненький. Что с тобой делается? У кого ты теперь в идиотах? Как служится? Не бьют? А меня, Вова, бьют. Это, знаешь, такая скотина. Величает себя Крегом Бенсоном, но мне сдается, что он — цыган, у него зуб золотой, а достался я ему по великому благу. Он — сумасшедший, Вова. Я знаю. Но что он, любитель, по сравнению с нами, гордой кучкой профессионалов! Прощай, Вова. Это я — твой сын.

Итак, любезный мой читатель, позвольте мне вернуться к описанию описываемых событий. Я — литератор, знающий себе цену, и своего читателя в обиду не отдам. Я расскажу вам о красивой жизни.

Снег, солнце, синие тени осин. Минус тридцать пять градусов. Трупки замерзших ребятишек. Тишина. Только изредка, будто совсем невзначай, с разлапистой ветви царственной ели, современницы монгольских набегов на Русь, ели-прародительницы и великомученицы, ели-покровительницы и заступницы, чьи корни навечно ушли в родимую почву, упадет шишка, всем видом своим похожая, как отметит вдумчивый натуралист, на коричневую колбаску собачьего говна, упадет еловая шишка в снег, подымутся мириады слабо заметных невооруженному глазу снежинок, словно сказочный гость брызнул вам в очи бриллиантовой пудрой, брызнул — и растворился в морозной дымке, а вы все стоите в полном восхищении, околдованные этим дивным явлением, не в силах пошевелиться, стоите и ждете продолжения чуда, а стайка небольших певчих птиц из отряда воробьиных

уже, конечно, тут как тут, щебечет, переговаривается между собой на своем смешном, непонятном человеку наречии, будто они сюда совещаться слетелись по какому-то очень важному для всех них делу. Щебечут красногрудые усатые самцы, перебивая друг дружку, вон двое вроде бы даже повздорили, крылышками друг на друга замахали, а другие как бы смеются над ними и журят драчунов — так на совещании в кабинете директора металлургического комбината вдруг напустятся друг на друга, как петухи, два молодых начальника цеха, горячие головы, один кричит: «Ты мне план срываешь!» — а другой в ответ: «Я из-за тебя партбилет ложить на стол не желаю!» — но постучит по столу карандашом выдавший не одну такую потасовку директор, да рассмеется славным мужским баском представительница райкома, в строгом костюмчике сидящая у окна, — и глядь: бывшие однокурсники, любимцы и гордость предприятия, сами не рады, что погорячились; и вот, подстрекаемые товарищами, они спешат друг к другу со смущенными, пристыженными лицами, на щеках у них алеет багрянец, и вот они уже сцепились в объятиях, и директор не в силах справиться с волнением, он говорит: «Черти вы драповые!» — и звонит по телефону в Москву; и если вы наблюдательный фенолог, а не просто заблудившийся и продрогнувший до костей горе-лыжник, который, как онанист о фигуре влагилица, только об одном и мечтает: как бы скорее выйти на просеку, ведущую к автобусной остановке, и уехать в город, подальше от лесных чудес, то вы непременно заметите, что и среди снегирей есть свой директор, имеющий непререкаемый авторитет в отряде воробыных, и стоит ему только защелкать языком, как драке конец, и тогда он выскажется в рамках, так сказать, птичьей производственной летучки: так, мол, и так, летим дальше — и снегири полетят, и с оживленными, чуть ли не весенними лицами спланируют на вас и выключат вам ваши восторженные глаза наблюдательного фенолога.

Вот и мой Марей Марейч должен был пострадать. Кончился мертвый час идиота! Меня угнетал и преследовал образ воздушного шара с ниткой, намотанной на пуговицу клетчатого пиджака. Искал ли я иной привязи?

Ну, тут не все так просто. Да, я собирался растолочь блаженного старикашку, как золотой корень, в ступке и сделать из него живительный отвар, но это вовсе не означает, что я хотел, заторчав, соскочить прямо на площадь Небесного Иерусалима, где, как пишет советский околоцерковный поэт:

Русский дух целует Бога в губы...

Мерзкий, надо заметить, стишок. Нет, боголожеское сретенье меня не прельщало. Эстетика, что называется, восстала. В игольное ушко послала меня эстетика. Не пролезал я в него, хоть плачь. Я к поэту наведалься в гости. А ты, я говорю, как пролез? Чего, говорю, молчишь, поделись с товарищем, отвечай, говорю, на вопрос. Он только смеется глупейшим смехом: одолжи, говорит, пять рублей на любимый напиток. Распили мы с ним бутылку, закусили дунайским салатом. У меня, говорю я ему, жена умерла от скарлатины. Увижусь ли я, говорю, с женой Машей? Увидишься, — глупейшим смехом смеется он, — непременно увидишься, не бзди... Тут такое началось! Желудок пытался сладить с дунайским салатом. Дунайский салат пытался сладить с желудком. Вышел пренеприятнейший компромисс.

А рехнуться я был очень не прочь, я, можно сказать, просто жаждал рехнуться и на старикашку в этом смысле сильно надеялся, ставил я на Марей Марейча. Я хотел сойти, сверзиться с ума, сверзиться — а дальше видно будет.

Так, собственно, по моему хотению и вышло. Я сверзился и растянулся. Да еще как! До сих пор костей не соберу. Ха-ха-ха! Но спасибо голубчику Крегу. Спасибо его урокам. Это строгий хозяин. Я начинаю вновь владеть